

УДК 94(497.1)+94(560)

Стоянович Милан¹

**«ЦАРИГРАДСКИ ГЛАСНИК» (1895-1909): СЕРБСКИЙ «ПЕРЬЕВОЙ БОЕЦ»
МЕЖДУ ОСМАНСКОЙ ЛОЯЛЬНОСТЬЮ И НАЦИОНАЛЬНЫМ ПРОЕКТОМ В
МАКЕДОНИИ**

Тульский государственный университет

Stojanovic Milan

**"TSARIGRADSKI GLASNIK" (1895-1909): SERBIAN "FIGHTER OF THE PEN"
BETWEEN OTTOMAN LOYALTY AND NATIONAL PROJECT IN MACEDONIA**

Tula State University

Аннотация: Данное исследование анализирует роль и стратегии сербского еженедельника Цариградски гласник (1895–1909) — ключевого инструмента сербской «культурной пропаганды» в Османской Македонии. Журнал, финансируемый сербским государством, парадоксальным образом действовал в рамках османской цензурной системы, демонстрируя подчеркнутую лояльность султану Абдул-Хамиду II, одновременно ведя борьбу за признание сербской национальной идентичности («сербства»), открытие школ и церковную автономию для славянского населения севера Македонии. Через анализ содержания газеты и исторического контекста работа показывает, как Цариградски гласник воплощал уникальную стратегию «лояльного национализма» и «мягкой силы», опиравшуюся на легальные действия в рамках османского суверенитета и союз с Портой против болгарского и греческого влияния. Исследуются механизмы «банального национализма», используемые журналом для конструирования нации, его адаптация к резко меняющейся политической среде (от хамидовского абсолютизма до младотурецкой революции), а также разрыв между националистическими мифами о единой и древней сербской общине в Македонии и сложной реальностью «текучих», прагматичных и ситуативных идентичностей местного населения и даже его редакторов. Цариградски гласник представляет собой забытый, но ключевой источник для понимания сложного взаимодействия между балканским национализмом и османской имперской системой на закате империи.

Ключевые слова: Цариградски гласник, сербская пропаганда, Македония, Османская империя, национализм, культурная пропаганда, Абдул-Хамид II, лояльный национализм, банальный национализм, миллет, идентичность, «книга и перо», цензура, Младотурецкая

¹ Стоянович Милан - ассистент кафедры «История государства и права» института права и управления ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет». e-mail: legendanish@yandex.com

революция.

Abstract: This study analyzes the role and strategies of the Serbian weekly “Carigradski glasnik” (Tsarigrad Herald) (1895–1909) — a key instrument of Serbian "cultural propaganda" in Ottoman Macedonia. Financed by the Serbian state, the journal paradoxically operated within the framework of the Ottoman censorship system, demonstrating pronounced loyalty to Sultan Abdul Hamid II, while simultaneously fighting for the recognition of Serbian national identity (“Srpstvo” - Serbianness), the opening of schools, and church autonomy for the Slavic population of northern Macedonia. Through an analysis of the newspaper's content and the historical context, the work shows how “Carigradski glasnik” embodied a unique strategy of “loyal nationalism” and “soft power,” which relied on legal actions within the bounds of Ottoman sovereignty and an alliance with the Porte against Bulgarian and Greek influence. The mechanisms of “banal nationalism” used by the journal to construct the nation, its adaptation to a rapidly changing political environment (from Hamidian absolutism to the Young Turk Revolution), as well as the gap between nationalist myths of a unified and ancient Serbian community in Macedonia and the complex reality of the “fluid,” pragmatic, and situational identities of the local population and even its editors, are examined. “Carigradski glasnik” represents a forgotten yet key source for understanding the complex interplay between Balkan nationalism and the Ottoman imperial system during the empire's decline.

Keywords: Carigradski glasnik, Serbian propaganda, Macedonia, Ottoman Empire, nationalism, cultural propaganda, Abdul Hamid II, loyal nationalism, banal nationalism, millet, identity, "book and pen", censorship, Young Turk Revolution.

Введение: на перекрестке империи и национализма

Последние десятилетия XIX века стали свидетелями ожесточённой борьбы за культурное и политическое влияние в Османской Македонии – регионе, который Греция, Болгария и Сербия считали своей «национальной территорией». Этот регион превратился в арену столкновения национальных пропагандистских кампаний, нацеленных на славяноязычное православное население с целью убедить его в своей греческой, болгарской или сербской идентичности. В то время как греческая и болгарская пропаганда, активно действовавшие с 1860-х гг., хорошо изучены, сербские усилия в регионе долгое время оставались в тени историографии. Сербия, как «поздний игрок» (после потери надежд на Боснию и Герцеговину по итогам Берлинского конгресса 1878 года), начала систематическую деятельность в Македонии лишь в 1885 году, после неудачной войны с Болгарией из-за Восточной Румелии. Принципиальное отличие сербской стратегии

заклучалось в её расчётливом прагматизме: в отличие от Болгарии, активно поддерживавшей с 1895 года революционные действия с целью отторжения Македонии от Порты, Сербия считала, что её интересам лучше соответствует сохранение Македонии в составе Османской империи. Будучи относительно слабым государством, Сербия нуждалась в союзнике для консолидации своих позиций в регионе и противодействия болгарской экспансии, и этим союзником виделась сама Порта.

Именно в этом контексте в 1895 году в Стамбуле начал издаваться еженедельник Цариградски гласник (Константинопольский вестник). Он стал ключевым инструментом сербской «культурной» или «интеллектуальной» пропаганды – так называемой «книжно-перьевой» фазы борьбы за Македонию (в противовес последовавшей позже «партизанской» (серб. комиты) фазе с применением насилия). Журнал представлял собой уникальное явление: будучи продуктом сербских дипломатических кругов и финансируясь Сербией, он действовал строго в рамках османского законодательства о печати, под бдительным надзором цензуры, и демонстрировал подчеркнутую лояльность султану Абдул-Хамиду II. Его главными задачами были: 1) пропаганда сербской национальной идентичности («сербства») среди православного славянского населения северной Македонии; 2) борьба за признание сербов в империи отдельной *миллет* (религиозно-национальной общиной) с правом на собственные школы и церковную автономию от Константинопольского патриархата, ассоциировавшегося с греками; 3) укрепление связей между разрозненными сербскими общинами в Османской империи. Как отмечает автор диссертации, Клара Воларич, «намерение сербских дипломатических кругов, а следовательно, и Цариградского гласника, заключалось не в подрыве османского суверенитета, а в действии в соответствии с ним» [1, с.5]. Журнал был «перьевым бойцом» за сербские интересы, но действовавшим внутри османской системы.

1. Политический контекст: Сербия, Османская империя и борьба за Македонию

1.1. Стратегия «Книги и Пера» и Сербская «Османскость»

После Берлинского конгресса (1878), признавшего независимость Сербии, но отдавшего Боснию и Герцеговину под управление Австро-Венгрии, сербские устремления обратились на юг – к «Старой Сербии» (Косово и Метохия и северная Вардарская Македония). Однако Сербия вступила в борьбу за влияние в регионе позже Греции и Болгарии и с более слабых позиций. Переломным моментом стало поражение Сербии в скоротечной войне с Болгарией в 1885 году, спровоцированной аннексией последней Восточной Румелии. Это поражение заставило Белград кардинально пересмотреть свою стратегию под руководством посла в Стамбуле Стояна Новаковича.

Ключевым расчётом было сохранение Македонии в составе Османской империи как буфера против Болгарии. Инструментами влияния стали:

1) Образование: Открытие сербских школ для распространения языка и национального сознания.

2) Религия: Борьба за назначение сербских епископов в патриархате и, в идеале, создание отдельной сербской миллет.

3) Культурная пропаганда: Включая издание периодики (Цариградски гласник).

Эта фаза (примерно 1885-1903) получила в историографии название «книга и перо» («књига и перо»). Цариградски гласник был прямым порождением этой стратегии.

Центральной проблемой был «Нуфусский вопрос» (Nüfus Meselesi). Сербь в Османской империи не обладали статусом отдельной миллет и формально подчинялись греческому Константинопольскому патриархату. Отсутствие официального признания означало:

1) Отсутствие автономии в образовании и церковных делах.

2) Трудности с открытием школ.

Проблему статистики – сербы не учитывались отдельно в османских переписях, что подрывало территориальные претензии Сербии. Борьба за признание сербской миллет была одной из главных задач сербской дипломатии и, следовательно, Цариградского гласника.

Уникальность сербской позиции заключалась в её парадоксальной проосманской ориентации. Журнал должен был демонстрировать лояльность султану, дабы заручиться поддержкой Порты в противодействии болгарской и греческой пропаганде и в решении «нуфусского вопроса». Как отмечает исследовательница: «На одной стороне, османь позволили Сербии строить её позицию в регионе, но с другой, эта позиция строилась под османским контролем. Например, Цариградский гласник продвигал сербскую национальность, но он также продвигал османский имидж в регионе». [1, с. 5].

Эта «сербская османскость» была сознательной тактикой выживания и продвижения интересов в рамках имперской системы.

1.2. Османская Пресса: Тюрьма Слова при Абдул-Хамиде II

Деятельность Цариградского гласника была немислима вне жёстких рамок османской цензуры, достигшей апогея при Абдул-Хамиде II (1876-1909). Основным регулирующим документом долгое время оставался Matbuat Nizannamesi (Регламент печати) 1864 года, вдохновленный французской моделью. Он вводил:

1) Разрешительный порядок открытия изданий.

2) Обязательную предварительную цензуру (с 1876 года).

Суровые наказания (штрафы, закрытие, тюрьму, ссылку) за публикации, критикующие государство, султана, его семью или союзников империи.

Абдул-Хамид II не создал принципиально новых репрессивных механизмов, но довёл существующую систему цензуры до высокой степени эффективности и произвола. Периодические издания подвергались двойному контролю: Предварительная цензура на местах (в провинциях).

Последующая цензура – в Стамбуле (цензурное управление *Babiali Tahrirat Müdürlüğü*). Процедура была бюрократически сложной и зависела от личных интерпретаций цензоров, чьи решения часто определялись конъюнктурой и настроением султанского двора. Цензором, ответственным за славянские издания (сербские, болгарские), был исламизированный болгарин из Восточной Румелии, что потенциально влияло на его отношение. Цариградски гласник, издававшийся в столице, проходил через эту систему. Его владельцы обязаны были предоставлять экземпляры будущего номера в цензурное управление за два дня до публикации, затем на следующий день для проверки исправлений и окончательно – к 9 утра в день выхода. Несоблюдение сроков грозило месячной приостановкой.

Парадоксально, но при Абдул-Хамиде II пресса не только подавлялась, но и использовалась государством. Порты осознавала силу печатного слова для формирования общественного мнения и легитимации режима. Султан и его окружение (особенно Бюро печати – *Matbuat-ı Dahiliye Müdürlüğü*) активно: 1) Рассылали официальные коммюнике (теблиги), 2) Заказывали статьи, 3) Спонсировали лояльные издания, 4) Создавали сеть осведомителей.

Владельцы газет и журналов, в свою очередь, вынуждены были демонстрировать преданность султану, чтобы выжить, получать субсидии, правительственные заказы (печать объявлений) или избежать наказания. Широко практиковались доносы на конкурентов и самоцензура. Культ личности Абдул-Хамида как «отца нации» (*peder-i millet*), «благодетеля» и «халифа всех мусульман» был обязательным элементом публичного дискурса. Цариградски гласник полностью вписался в эту систему. Его подчёркнутая лояльность султану была не только следствием цензуры, но и сознательной стратегией сербской дипломатии, стремившейся сохранить благосклонность Порты.

2. Цариградски гласник: Рождение, Эволюция и Механики Выживания

2.1. Учреждение, Редакторы и Миссия

Идея создания сербского периодического издания в Стамбуле обсуждалась в сербских дипломатических кругах с конца 1880-х гг. как необходимый элемент

«культурной» борьбы. Практическая реализация началась в 1892 году на конференции сербских интеллектуалов в Стамбуле, где дипломат Милойко Веселинович разработал программу будущего издания. Первоначально планировалось двуязычное (сербско-французское) издание. Однако получение османской лицензии столкнулось с бюрократическими препонами и требованиями взятки (400 золотых лир), что задержало запуск до 1895 года.

Первый номер Цариградского гласника вышел 14/27 января 1895 года – символично в день Святого Саввы, основоположника автокефальной Сербской православной церкви. Издателями и главными редакторами за время существования журнала были:

1) Никодим Савич (1895-1897): Уроженец Печа (Косово и Метохия), купец, получивший образование в Салониках и Белграде. Его редакторский период отличался максимальной осторожностью и подчёркнутой проосманской риторикой. Умер от туберкулёза.

2) Коста Групчевич (1897-1907): Уроженец Охрида, выходец из зажиточной семьи. Получил греческое образование. В 1886 г. вместе с Темко Поповичем основал в Софии антиболгарский «Македонский тайный комитет» под сербским влиянием. После ареста болгарами и освобождения перебрался в Стамбул, поддерживая тесные связи с Новаковичем. Его биография – яркий пример «текучести» македонской идентичности. При нем журнал стал более откровенно сербским.

3) Темко Попович (1908-1909): Уроженец Охрида. Образование получил в Афинах. Работал учителем в болгарских школах, откуда был изгнан за просербскую пропаганду. Участник того же «Македонского комитета» в Софии. После Младотурецкой революции стал сербским депутатом в османском парламенте. Последний владелец журнала. Главным редактором под его началом был Стоян Капетанович.

2.2. Финансы, Аудитория и Распространение

Журнал получал субсидии от сербского государства через дипломатическую миссию, но постоянно испытывал финансовые трудности: Проблемы со сбором подписной платы (многие подписчики в Македонии не платили вовремя). После Младотурецкой революции 1908 года прекратились османские субсидии, характерные для хамидовской эпохи.

Несмотря на полученное разрешение на выход два раза в неделю, журнал так и остался еженедельником из-за финансовых проблем и недостатка подписчиков. Журнал был вынужден периодически публиковать отчаянные призывы к подписке, чтобы сохранить лицензию.

Распространялся преимущественно по подписке через сеть сербских учителей и

священников в Македонии (Салоники, Скопье, Призрен, Плевля, Беране, Печ), а также в Сербии, Черногории и Австро-Венгрии (включая Боснию). Прямая продажа велась в нескольких точках Стамбула (Галата – книжные лавки Л. Крстича, Н. Гавриловича, табачные киоски). Целевой аудиторией были сербская интеллигенция, учителя, священники, торговцы в Македонии, а также сербская общественность за пределами империи.

2.3. Стратегии Выживания: От Хамида к Младотуркам

Хамидиевская эпоха (1895-1908): Период правления султана Абдул-Хамида II характеризовался крайне жёсткой цензурой (предварительной и последующей) и стремлением контролировать любой публичный дискурс. Пресса рассматривалась как опасное орудие, требующее патерналистского надзора. Цариградский гласник, издававшийся в эпицентре османской власти, был вынужден демонстрировать абсолютную лояльность султану. Это выражалось в: Обязательных восхвалениях Абдул-Хамида по любому поводу (день рождения, восшествие на престол, религиозные праздники): «Живио Наш Велики Падишах!» («Да здравствует наш Великий Падишах!») – лозунг на первой странице.

Публикации официальных новостей («Цариградске вести»/» Новости из Стамбула» – отчёты о пятничных намазах султана (Саламликах), его «благоедеяниях», назначениях чиновников, государственных коммюнике).

Репортажах о сербской лояльности: «Српски народ у његовој пространој Царевини, који је добро познат са своје поданичке верности, свагда и у свакој прилици топло се моли Свемогућем за повољно здравље свога Господара» («Сербский народ в его обширной Империи, который хорошо известен своей подданнической верностью, всегда и при всяком случае горячо молит Всемогущего о благополучном здравии своего Господина») (ЦГ, № 34, 1903, с. 1).

Заимствовании политической информации из лояльных османских газет (*Сабах*, *Икдам*) или иностранной прессы (*Orient*, *Stamboul*, *Levant Herald*) – относительно безопасный способ освещения политики.

Тщательного избегания любых упоминаний о насилии в Македонии (кроме успехов османских властей против «разбойников») или сербских революционных группах. Показательно, что Илинденское восстание 1903 года не было упомянуто вовсе. «Журнал тщательно избегал конфликтов с цензурой и не был ни разу приостановлен за 14 лет правления Абдул-Хамида, что свидетельствует о его успешной адаптации к правилам игры» [1, с. 45].

Младотурецкая революция и закат (1908-1909): Революция 1908 года,

провозгласившая восстановление конституции и свободу печати, первоначально была встречена Цариградским гласником с энтузиазмом. Ожидалось признание сербского миллета, прекращение насилия в Македонии и установление подлинного равенства. Первые номера приписывали заслуги самому султану: «Једанаести јуна је дан слободe народне, дан напретка, дан подмлаћене, васкрсле Турске!» («Одиннадцатое июля – день народной свободы, день прогресса, день омоложённой, воскресшей Турции!») (ЦГ, № 34, 1908, с. 1). Однако тон издания быстро сменился разочарованием. Журнал стал более открыто писать о проблемах османских сербов: Нападениях болгарских комитаджей на монастыри: «Нападај на српске манастире» («Нападение на сербские монастыри») (ЦГ, № 7, 1909).

Отсутствию сербского представительства в Сенате: «Неправда спрам Срба у Турској!» («Несправедливость по отношению к сербам в Турции!») (ЦГ, № 50, 1908). Запретах на колокольный звон в сербских церквях. Аннексии Боснии Австро-Венгрией («Српска голгота»/«Сербская Голгофа», ЦГ, № 13, 1909).

Ключевыми требованиями стали: «Хоћемо праву слободну и потпуну једнакост!» («Мы хотим настоящей свободы и полного равенства!») (ЦГ, № 18, 1909, с. 1).

Разочарование вызывали и действия новых властей, не спешивших выполнять обещания. После подавления контрреволюции (апрель 1909) и свержения Абдул-Хамида риторика журнала в отношении султана резко сменилась с панегирической на обличительную: «...и отеран у изгнанство Абдул Хамида, интелектуалног кривца не само за крваву војничку побуну... него и за сва зла и недаће, које су нашу Отацбину снашле у току 33 године његове несрећне и крваве владавине» («...и сосланный в изгнание Абдул-Хамид, интеллектуальный виновник не только кровавого мятежа в армии... но и всех зол и бедствий, которые обрушились на наше Отечество в течение 33 лет его несчастного и кровавого правления») (ЦГ, № 18, 1909, с. 1).

Однако к этому времени Цариградский гласник уже утратил актуальность. Он воспринимался как реликт хамидиевской эпохи, а на смену ему в Скопье пришёл более радикальный и близкий к македонской реальности журнал *Вардар*, связанный с сербскими революционными комитетами. В октябре 1909 года, ссылаясь на «технические трудности» («Овим бројем обустављамо даље излажење нашега листа и то због техничких тешкоћа, које се нису могле уклонити») «С этим выпуском мы приостанавливаем дальнейшую публикацию нашего журнала в связи с техническими трудностями, которые не удалось преодолеть»), журнал прекратил существование. Реальные причины были глубже: смена политического климата, финансовая несостоятельность в условиях рыночной конкуренции и потери поддержки, а также смещение фокуса сербской пропаганды в сторону более

радикальных методов.

3. Конструирование «Сербства»: Стратегии, Нарративы и «Банальный Национализм»

Основной миссией Цариградского гласника было формирование и укрепление сербской национальной идентичности среди славянского населения Македонии, а также артикуляция требований сербской общины перед османскими властями и международным сообществом.

3.1. Механика «Банального Национализма» [5, с. 45]

Журнал мастерски использовал механизмы «банального национализма» – рутинного, ненавязчивого воспроизводства национальной принадлежности в повседневности:

Дискурс «Мы» и «Они»: Постоянное использование местоимения «мы» (сербь) в противопоставлении «им» (болгары, греки, иногда османы как администрация). Это создавало ощущение общности и ограниченности.

Национальный Фокус Новостей: Рубрики «Домаће вести» («Внутренние вести») и «Стране вести» («Заграничные вести») на деле освещали преимущественно жизнь сербов Османской империи, Сербии и Черногории. Даже международные новости отбирались и комментировались через призму сербских интересов.

Культурный Национализм: Акцент на сербской культуре, традициях, языке, фольклоре (публикация народных песен, преданий). Рубрики «Школа и настава» («Школа и обучение») и «Поука» («Назидание») постоянно подчёркивали роль сербского образования и православия в сохранении нации.

Символическое Воспроизводство: Регулярные публикации писем-корреспонденций с мест, описывающих сербские праздники (особенно Святого Саввы), открытия школ, церковные события – все это фиксировало «сербскую жизнь» и создавало картину национальной общности.

«Јавне благодати» («Общественные благодеяния»): Объявления о пожертвованиях на школы, стипендии для бедных учеников не только мобилизовывали ресурсы, но и подчёркивали социальный престиж национальной солидарности и создавали сеть благотворителей, объединённых общим делом: «Дајући у школски фонд знамо за извесно да потпомажемо сиротну децу, која ће, када одрасту бити корисни чланови општине и друштва» («Давая в школьный фонд, мы знаем наверняка, что помогаем сиротствующим детям, которые, когда вырастут, станут полезными членами общины и общества») (ЦГ, № 10, 1896, с. 1). Как отмечает Йосмаоглу, коммерческие гильдии видели в финансировании национального образования дело социального престижа [2, с. 62].

3.2. Краеугольные Камни «Сербства»: Религия, Образование, Национальные Мифы

Журнал активно пропагандировал ключевые элементы сербской национальной идентичности, увязывая их с борьбой в Македонии:

Православие и Сербская Церковь: Культ Святого Саввы (основателя автокефальной Сербской церкви), сербских святых и средневековых монастырей (особенно Хиландара на Афоне) представлялся основой выживания нации под османским владычеством. Сербская церковь (хотя формально её не существовало в миллетной системе) изображалась хранительницей нации. Назначение сербских епископов (в Призрене, Скопье) преподносилось как национальная победа.

Сербский Язык: Журнал пропагандировал стандартный сербский язык (на основе штокавского диалекта), противопоставляя его болгарскому и местным славянским говорам Македонии. Публиковались статьи о языке, грамматике.

«Слава»: Семейно-религиозный праздник в честь святого-покровителя рода преподносился как уникальная сербская национальная традиция, отличающая сербов от других славян: «Слава, то је наше народно обележје. Слава је најистакнутија особина по којој се ми разликујемо од осталих народности словенскога стабла. Разликују нас од њих и језик, и обичаји, и предања, и ношња, па и сам изглед лица.» («Слава – это наша народная черта. Слава – самая выдающаяся особенность, по которой мы отличаемся от других народностей славянского корня. Различают нас от них и язык, и обычаи, и предания, и одежда, да и сам вид лица») (ЦГ, № 50, 1895, с. 1).

История и Национальные Мифы: Апелляции к славному средневековому прошлому (Неманичи), Косовскому мифу (битва 1389 г., жертвенность князя Лазаря), героизму предков служили источником гордости и легитимировали сербские претензии на Старую Сербию. Эти мифы связывали православие и сербскую государственность.

Образование как Оружие: Школа объявлялась главным фронтом национальной борьбы, а учитель – «профессиональным патриотом» [6, с. 53], солдатом армии «књиге и пера»: «Бежи у школу, ти Србче драго! Тебе се особито тиче тај позив јер те очекују велике и свете дужности према имену твоме. На пољу културнога напретка данас се надмећу народи. Место мачем и коњем дошла је борба умом, борба, која је одлучнија за живот, за опстанак или пропадање било појединца, или народа. За ту културну утакмицу спремиће те школа. Па хајде у школу, и ти Српчићу. Школа је тај свети задатак да те спреми за културни рад и утакмицу на томе пољу на коме се ти, хтео не хтео, мораш показати, а српски народ је показао да има свих способности и услова који су потребни за културу. У школи се челичи ум и облагорађава срце. Без тога Србин не може бити.» («Итак, поспеши в школу, и ты,

сербский юноша! Тебя особенно касается этот призыв, ибо тебя ожидают великие и святые обязанности перед твоим именем. На поле культурного прогресса ныне состязаются народы. Вместо меча и коня пришла борьба умом, борьба, которая решающа для жизни, для выживания или гибели как индивида, так и народа. К этому культурному состязанию подготовит тебя школа. Так что отправляйся в школу, и ты, сербский юноша. Школа – это святая задача, подготовить тебя к культурному труду и состязанию на том поле, где ты, хочешь не хочешь, должен проявить себя, а сербский народ показал, что имеет все способности и условия, необходимые для культуры. В школе закаляется ум и облагораживается сердце. Без этого серб не может быть») (ЦГ, № 33, 1897, с. 1).

3.3. Декларация Четкости «Сербства» и Ритуал Лояльности

Журнал настаивал на изначальной и непререкаемой определённости сербской национальной идентичности в Македонии, отрицая саму возможность её размытости или изменчивости: «Народность се у суштини не губи чак ни онда, кад заведени појединци друго име узимају, или им се оно намеће. Народносни нам је штит прошлост, језик, песме и обичаји, а нарочито слава -- служба -- и много других одлика које српски народ оштро од других народа разликују.» («Национальность по сути не теряется даже тогда, когда заблудшие отдельные лица принимают другое имя, или им его навязывают. Нашим щитом национальности являются прошлое, язык, песни и обычаи, и особенно слава – служба – и многие другие черты, которые резко отличают сербский народ от других народов») (ЦГ, № 2, 1898, с. 1).

Задача журнала виделась не во внедрении этой идентичности «сверху» (как у болгар и греков), а в её развитии, защите от посягательств и обеспечении условий для её свободного выражения через школы и церковь.

Параллельно с этим националистическим дискурсом, журнал был пронизан ритуалом лояльности султану. Это был не просто вынужденный реверанс цензуре, но отражение официальной сербской стратегии. Восхваления Абдул-Хамида как «просвещенного монарха» («наш Велкиодушни Господар» / «наш Великодушный Господин»), «благодетеля просвещения», защитника всех подданных были обязательны, особенно в дни официальных праздников. Османские сербы изображались как самые лояльные подданные империи, чья преданность выдержала испытание временем:

«Српски народ у његовој пространој Царевини, који је добро познат са своје поданичке верности, свагда и у свакој прилици топло се моли Свемогућем за повољно здравље свога Господара, који и њему поклања своју високу пажњу.» («Сербский народ в его обширной Империи, который хорошо известен своей подданнической верностью, всегда

и при всяком случае горячо молит Всемогущего о благополучном здравии своего Господина, который и к нему проявляет свое высокое внимание») (ЦГ, № 34, 1903, с. 1).

«Народ српски у Турској познат је по својој поданичкој верности, поноси се тиме и у свако доба показивао је и показује осећај дубоке захвалности према свом узвишеном Господару.» («Сербский народ в Турции известен своей подданнической верностью, гордится этим и во все времена проявлял и проявляет чувство глубокой благодарности к своему возвышенному Господину») (ЦГ, № 26, 1895, с. 1).

Эта лояльность подчёркивалась в контрасте с «неблагонадёжными» христианскими общинами (армянами во время погромов, болгарам-экзархистами). После Младотурецкой революции дискурс лояльности постепенно сменился требованиями «свободы и равенства», а затем и разочарованием в невыполненных обещаниях нового режима.

4. Между Мифом и Реальностью: «Сербство» на Страницах и в Жизни

Цариградский гласник создавал образ сплочённой, сознательной сербской общины, стойко переносящей невзгоды и борющейся за свои права в рамках османской лояльности. Однако реальность сербской пропаганды и македонских идентичностей была гораздо сложнее и контрастировала с этим образом.

4.1. Проблемы Сербской Пропаганды «на Земле»

Сербские дипломатические и просветительные усилия в Македонии страдали от системных проблем:

Дезорганизация и Неэффективность: Сербские консульства (Приштина, Салоники, Битола, Скопье) плохо взаимодействовали друг с другом. Бранислав Нушич, консул в Приштине, жаловался в 1894 году, что консульства обмениваются не более двух писем в год, а персонал (консулы, вице-консулы, переводчики) часто не имел реальной работы [15. с.281-284]. Общество Святого Савы, отвечавшее за культурную работу, критиковалось за неэффективность и даже вред: «Србија данас изгледа као тркалиште најсебичнијих прохтева, земља потпуно дезорганисана...» («Сербия сегодня выглядит как ристалище самых своекорыстных притязаний, страна, совершенно дезорганизованная...») [20, с. 341-342, 346].

Кадровые Проблемы: Сербские священники и учителя, эти «профессиональные патриоты» [6, с.51], далеко не всегда соответствовали возложенной на них миссии. Журнал сам критиковал их: «У приштинском, новопазарском и пећком санцаку по селима нема никога. Осим тога, парох дође, сврши обреде, добије његово па оде. И то тако непрестано бива. Ми пак замишљамо, да задатак правог свештеника Србина није само да сврши обред, да се наплати и да иде -- не!... Ми што доносимо чланчиће о пољопривреди... доносимо их за селјаке: а пошто су они неписмени... рачунали смо и рачунамо на свештенике...». («В

приштинском, новопазарском и печском санджаке по селам никого [из интеллигенции] нет. Кроме того, священник придёт, соверши требы, получи своё и уйдёт. И так происходит непрестанно. Мы же воображаем, что задача истинного сербского священника не только в том, чтобы совершить требы, получить плату и уйти – нет!... Мы, принося [в газету] статейки о сельском хозяйстве... приносим их для селяков: а поскольку они неграмотны... рассчитывали мы и рассчитываем на священников...») (ЦГ, № 7, 1897, с. 1).

«Морамо да на првоме месту истакнемо немилу чињеницу... да црв неслоге подгриза у неколико наше учительство. У место да учители... живе братски и другарски... они се, у већини случајева кољу као жути мрави... раде онако како је зазорно и за њихов свети положај наставнички, и за особни позив и положај њихов као народних васпитача.» («Мы должны прежде всего отметить неприятный факт... что червь раздора подтачивает в некоторых местах наше учительство. Вместо того, чтобы учителя... жили братски и товарищески... они, в большинстве случаев, грызутся как жёлтые муравьи... поступают так, как позорно и для их святого положения учителей, и для их личного призвания и положения как народных воспитателей») (ЦГ, № 26, 1897, с. 1).

Непопулярность и «Безрассудство»: Российский консул в Призрене в 1903 году докладывал о непопулярности сербского митрополита Никифора и «безрассудстве» сербской пропаганды, раздражавшей население интригами и конфликтами, вместо служения общим интересам [12, с. 19].

4.2. «Текучая» Идентичность Редакторов: Групчевич и Попович

Парадоксально, но сами редакторы Цариградского гласника – Коста Групчевич и Темко Попович – были живыми примерами сложной, нефиксированной македонской идентичности, которую их журнал так старался отрицать.

Коста Групчевич: Уроженец Охрида, получил греческое образование. В молодости участвовал в болгарском национальном движении. Позже, разочаровавшись в болгарской политике (особенно после ареста экзарха Иосифа I в 1872 г.), стал сторонником идеи «Македонии для македонцев», участвуя в «Македонском тайном комитете» в Софии (1886). Комитет изначально выступал за автономию Македонии, но постепенно попал под влияние сербской дипломатии, которая финансировала его деятельность. Арестованный болгарскими властями, Групчевич после освобождения перебрался в Белград, а затем в Стамбул, где стал активным проводником сербской линии.

Темко Попович: Уроженец Охрида. Образование получил в Афинах. Работал учителем в болгарских школах, откуда был изгнан за пропаганду сербских идей. Участник того же «Македонского комитета» в Софии. После переезда в Белград стал активным

деятелем сербской пропаганды. Был избран депутатом османского парламента после революции 1908 года как представитель сербов.

Их биографии отражают сложный путь поиска идентичности:

Греческое образование (формальная или потенциальная связь с греческим миром). Болгарская среда (работа в экзархистских школах, участие в болгарском движении). Идеи «Македонства» (борьба за автономию, региональная идентичность). Активный сербский национализм (редактура Цариградского гласника, депутатство).

В 1887 году Попович писал: «...национальный дух в Македонии достиг такого состояния, что сам Иисус Христос, если бы он сошёл с небес, не смог бы убедить македонца в том, что он болгарин или серб, за исключением тех македонцев, в которых болгарская пропаганда уже пустила корни». [Письмо Темко Попова Деспоту Баджовичу, 1887 г. // <http://documents-mk.blogspot.hu/2011/01/temko-popov-letter.html>].

Однако через десять лет они издавали откровенно сербский журнал. Эта «текучесть» (fluidity) не была беспринципностью, а отражала поиск идентичности в условиях конкурирующих национальных проектов и прагматических соображений (образование, карьера, безопасность, убеждения). Их «сербство» на посту редакторов было столь же «реальным», как и их предыдущие идентификационные модели, но оно не было исконным или единственно возможным. Их биографии опровергали миф о чётком, «исконном» сербстве македонских славян, который их же журнал так упорно насаждал. Как отмечает Волатич: «эта текучесть не обязательно подразумевает отсутствие национальности, как обычно предполагают исследования. Скорее, это зависит от того, как определяется национальность: как субстанциональная сущность или как изменчивая форма практики» [1, с.5]. Группевич и Попович демонстрировали нацию как «изменчивую форму практики» [4, с. 16-21].

Однако важно добавить, что фамилии Попович и Группевич — чисто сербские, а не македонские или болгарские. Так что их сербское происхождение ближе к истине.

4.3. Прагматизм Местного Населения и Пределы Пропаганды

Исследования [9, с.358; 13, с.409-426] показывают, что выбор «национальности» македонскими крестьянами часто определялся не абстрактными идеями, а прагматическими соображениями: Доступ к лучшей или более доступной школе, защита и покровительство со стороны той или иной церкви, консульства или вооружённого комитета, экономические выгоды (пожертвования, помощь), локальные конфликты и солидарности, семейные традиции и связи.

Семья могла посылать детей в разные школы (греческую, болгарскую, сербскую), а

то и менять «принадлежность» в зависимости от обстоятельств. Религиозная принадлежность (патриархист или экзархист) часто была важнее этнической самоидентификации. Сербский вице-консул в Битоле Бранислав Нушич в 1892 году описал поразительный пример такой «множественности» и прагматизма: «Церковь греческая, школа экзархистская, два священника — «сербоманы»... В доме Вангела-священника сербские книги спрятаны в подвале; газеты из Софии — на столе; один сын — студент в Белграде; второй — экзархистский учитель в Скопье; третий сын — бывший ученик австрийской католической миссии; и двое детей посещают экзархистскую начальную школу. Священник Вангел держит в своём доме даже хан». [1, с. 88].

Цариградский гласник, как и пропаганда в целом, часто игнорировал этот сложный социальный контекст, пытаясь навязать сверху жёсткую схему национальной принадлежности. Успех пропаганды зависел не столько от силы аргументов о «вековом сербстве», сколько от способности предложить конкретные выгоды и защиту в нестабильной среде Вардарской Македонии.

Заключение: Значение Цариградского гласника в Истории Позднеосманских Балкан

Цариградский гласник просуществовал 15 лет (1895-1909), став важным, хотя и противоречивым, свидетелем и участником драматических событий на закате Османской империи. Его значение заключается в нескольких взаимосвязанных аспектах:

1) Уникальная Модель Ирредентизма: Журнал воплощал специфическую сербскую стратегию «лояльного национализма» в Македонии. В отличие от революционного болгарского или опиравшегося на Патриархию греческого подходов, Сербия (по крайней мере, до 1903 г.) делала ставку на легальную работу в рамках османского суверенитета и союз с Портой против общего врага – Болгарии. *Цариградский гласник* был рупором этой стратегии, искусно сочетая сербский национальный дискурс с риторикой османского верноподданничества. Он наглядно демонстрирует, что не все балканские ирредентистские проекты были изначально нацелены на разрушение Османской империи; некоторые пытались использовать её институты для достижения своих целей. Эта стратегия была симбиотической: «На одной стороне, османы позволили Сербии строить её позицию в регионе, но с другой, эта позиция строилась под османским контролем» [1, с. 5].

2) Инструмент «Мягкой Силы» и Консолидации: Журнал был важным компонентом культурно-религиозной («книга и перо») фазы сербского проникновения в Македонию. Он служил средством: Консолидации сербской интеллигенции и общины в Османской империи, распространения сербского языка, культуры и национальных мифов, мобилизации ресурсов (через «Јавне благодати») на образование и церковь, координации

(пусть и не всегда успешной) действий учителей и священников, артикуляции требований сербской общины (признание *миллет*) перед властями и миром.

3) Лаборатория «Банального Национализма»: Страницы журнала – превосходный материал для изучения механизмов повседневного конструирования нации [5, с.200]. Постоянное использование «мы»-дискурса, акцент на уникальных сербских символах (Слава, Св. Сава), рутинное воспроизводство национальных нарративов в новостях, праздничных материалах и даже хозяйственных советах – все это работало на создание «воображаемого сообщества» [19, с. 224] османских сербов, ощущавших свою связь друг с другом и с Сербией, несмотря на географическую разбросанность.

4) Отражение Кризиса Империи и Иллюзий Модернизации: История журнала иллюстрирует сложность управления многонациональной империей в эпоху национализма. Его вынужденная лояльность при Абдул-Хамиде и последующее разочарование в младотурках отражают общий кризис легитимности османского государства и неспособность как хамидовского (патерналистски-репрессивного), так и младотурецкого (национал-либерального, а затем национал-авторитарного) режимов удовлетворить националистические устремления христианских общин. Журнал, как и его аудитория, стал заложником противоречий между имперскими структурами и силами национального размежевания.

5) Документ «Текучих Идентичностей»: Биографии его редакторов (Групчевич, Попович) и критика сербской пропаганды на местах демонстрируют разрыв между националистическим мифом о чёткой и «вечной» сербской идентичности в Македонии и сложной реальностью гибких, прагматичных и ситуативных идентичностей местного славянского населения. Журнал боролся за признание сербской милет, чьё существование в однозначных категориях он сам же декларировал, но реальность «нуфусского вопроса» и македонской идентичности была гораздо менее определённой. Он служит напоминанием, что национализм часто пытается навязать чёткие границы там, где в реальности существуют зоны контакта, смешения и выбора [4, с.148].

Цариградский гласник исчез в 1909 году, уступив место более радикальным формам борьбы. Его судьба символизирует конец эпохи, когда «книга и перо» ещё казались достаточными инструментами для решения Македонского вопроса. Однако его архив остаётся ценнейшим источником для понимания сложного переплетения османской власти, балканского национализма и поисков идентичности в одном из самых взрывоопасных регионов Европы начала XX века. Он служит напоминанием, что национализм на Балканах мог принимать не только форму вооружённой борьбы, но и парадоксального союза с

имперской властью, а процесс национального самоопределения был гораздо более запутанным и противоречивым, чем это часто изображается в национальных историографиях.

ОСНОВНОЙ ИСТОЧНИК

Carigradski glasnik (Цариградски гласник). Istanbul, 1895-1909. [Основной анализируемый источник, доступен в Сербской цифровой библиотеке].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Volarić, Klara. Carigradski Glasnik: A Forgotten Istanbul-based Paper in the Service of Ottoman Serbs, 1895-1909. Master's Thesis, Central European University, Budapest, 2014. [Основной источник, предоставленный пользователем].
2. Yosmaoğlu, İpek K. Blood Ties: Religion, Violence, and the Politics of Nationhood in Ottoman Macedonia, 1878-1908. Ithaca: Cornell University Press, 2013. [Фундаментальное исследование македонского вопроса, религии и насилия].
3. Brubaker, Rogers. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. [Ключевая теоретическая работа о нации как категории практики].
4. Brubaker, Rogers. Ethnicity without Groups. Cambridge-London: Harvard University Press, 2004. [Критика концепции «групп» в изучении этничности и национализма].
5. Billig, Michael. Banal Nationalism. London: Sage Publications, 1995. [Теория «банального национализма»].
6. Lory, Bernard. "Schools for the Destruction of Society: School Propaganda in Bitola 1860-1912". In *Conflicting Loyalties in the Balkans: The Great Powers, the Ottoman Empire and Nation-Building*, edited by Hannes Grandits, Nathalie Clayer, and Robert Pichler, 46-63. London: I.B. Tauris, 2011. [Анализ роли школ в пропаганде].
7. Marinov, Tchavdar. "Famous Macedonia, the Land of Alexander: Macedonian Identity at the Crossroads of Greek, Bulgarian and Serbian Nationalism". In *Entangled Histories of the Balkans. Volume One: National Ideologies and Language Policies*, edited by Roumen Daskalov and Tchavdar Marinov, 273-333. Leiden: Brill, 2013. [Анализ формирования македонской идентичности под влиянием балканских пропаганд].
8. Marinov, Tchavdar. "We, the Macedonians: The Paths of Supra-Nationalism (1878-1912)". In *We, the People: Politics of National Peculiarity in Southeastern Europe*, edited by Diana Mishkova, 107-137. Budapest: Central European University Press, 2009. [О «македонстве» как наднациональной идее].

-
9. Karakasidou, Anastasia N. *Fields of Wheat, Hills of Blood: Passages to Nationhood in Greek Macedonia, 1870-1990*. Chicago: University of Chicago Press, 1997. [Классическое исследование текучести идентичностей в Македонии].
10. Cowan, Jane K. (ed.). *Macedonia: The Politics of Identity and Difference*. London: Pluto Press, 2000. [Сборник статей о политике идентичности в Македонии].
11. Roudometof, Victor. (ed.). *The Macedonian Question: Culture, Historiography, Politics*. Boulder: East European Monographs, 2000. [Сборник статей по македонскому вопросу].
12. Valerijanović Višnjakov J. "Македонски покрет и преврат у Србији 29. маја 1903" // *Tokovi istorije*. Vol. 3, 2010.
13. Gounaris, Basil C. "Social Cleavages and National 'Awakening' in Ottoman Macedonia". *East European Quarterly* 29, no. 4 (1995): 409-426. [О социальных основаниях национального выбора].
14. Jagodić, Miloš. "Планови о Политици Србије према Старој Србији и Македонији (1878-1885)" [Plans on Serbian Policy Towards Old Serbia and Macedonia (1878-1885)]. *Историјски часопис* 60 (2011): 435-460. [О сербских планах в Македонии].
15. Jagodić, Miloš. "Нуфуско питање: проблем званичног признавања српске нације у Турској, 1894-1910" [Nüfus Question: Problem of official recognition of the Serbian nation in Turkey, 1894-1910]. *Историјски часопис* 57 (2008): 343-354. [О проблеме признания сербской миллет].
16. Jagodić, Miloš. "Извештај Бранислава Нушића о путовању из Приштине у Скадар 1894. године" // *Мешовита грађа*. Vol. 31, 2010. С. 281-284
17. Stojanović Milan. *Историја српско-руских политичких односа од XVIII века до данас*. Нови Сад: Архив Војводине, 2022. [Монография о сербско-российских отношениях с акцентом на освобождение сербского народа в Вардарской Македонии от османско-турецкого владычества.]
18. Terzić, Slavenko. "Конзулат Краљевине Србије у Битољу (1889-1897)" [Consulate of Kingdom of Serbia in Bitola (1889-1897)]. *Историјски часопис* 57 (2008): 327-342. [О сербском консульстве в Битоле].
19. Anderson, Benedict. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Revised ed. London: Verso, 2006. [Теория «воображаемых сообществ»].
20. Deringil, Selim. *The Well-Protected Domains: Ideology and the Legitimation of Power in the Ottoman Empire 1876-1909*. London: I.B. Tauris, 1999. [О легитимации власти и идеологии при Абдул-Хамиде II].

21. Vučetić B. "Писма из Цариграда Михаило Г. Ристић -- Светиславу Симићу (1894)" // Мешовита грађа. Vol. 33, 2012. С. 341-342, 346

REFERENCES

1. Volarić, Klara. Carigradski Glasnik: A Forgotten Istanbul-based Paper in the Service of Ottoman Serbs, 1895-1909. Master's Thesis, Central European University, Budapest, 2014. [Osnovnoj istochnik, predostavlennyj pol'zovatelem].
2. Yosmaoğlu, İpek K. Blood Ties: Religion, Violence, and the Politics of Nationhood in Ottoman Macedonia, 1878-1908. Ithaca: Cornell University Press, 2013. [Fundamental'noe issledovanie makedonskogo voprosa, religii i nasiliya].
3. Brubaker, Rogers. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. [Klyuchevaya teoreticheskaya rabota o nacji kak kategorii praktiki].
4. Brubaker, Rogers. Ethnicity without Groups. Cambridge-London: Harvard University Press, 2004. [Kritika koncepcii «grupp» v izuchenii etnichnosti i nacionalizma].
5. Billig, Michael. Banal Nationalism. London: Sage Publications, 1995. [Teoriya «banal'nogo nacionalizma»].
6. Lory, Bernard. "Schools for the Destruction of Society: School Propaganda in Bitola 1860-1912". In *Conflicting Loyalties in the Balkans: The Great Powers, the Ottoman Empire and Nation-Building*, edited by Hannes Grandits, Nathalie Clayer, and Robert Pichler, 46-63. London: I.B. Tauris, 2011. [Analiz roli shkol v propagande].
7. Marinov, Tchavdar. "Famous Macedonia, the Land of Alexander: Macedonian Identity at the Crossroads of Greek, Bulgarian and Serbian Nationalism". In *Entangled Histories of the Balkans. Volume One: National Ideologies and Language Policies*, edited by Roumen Daskalov and Tchavdar Marinov, 273-333. Leiden: Brill, 2013. [Analiz formirovaniya makedonskoj identichnosti pod vliyaniem balkanskih propagand].
8. Marinov, Tchavdar. "We, the Macedonians: The Paths of Supra-Nationalism (1878-1912)". In *We, the People: Politics of National Peculiarity in Southeastern Europe*, edited by Diana Mishkova, 107-137. Budapest: Central European University Press, 2009. [O «makedonstve» kak nadnacional'noj idee].
9. Karakasidou, Anastasia N. Fields of Wheat, Hills of Blood: Passages to Nationhood in Greek Macedonia, 1870-1990. Chicago: University of Chicago Press, 1997. [Klassicheskoe issledovanie tekuchesti identichnostej v Makedonii].
10. Cowan, Jane K. (ed.). Macedonia: The Politics of Identity and Difference. London: Pluto Press, 2000. [Sbornik statej o politike identichnosti v Makedonii].

11. Roudometof, Victor. (ed.). The Macedonian Question: Culture, Historiography, Politics. Boulder: East European Monographs, 2000. [Sbornik statej po makedonskomu voprosu].
12. Valerijanovič Višnjakov J. "Makedonski pokret i prevrat u Srbiji 29. maja 1903" // Tokovi istorije. Vol. 3, 2010.
13. Gounaris, Basil C. "Social Cleavages and National 'Awakening' in Ottoman Macedonia". East European Quarterly 29, no. 4 (1995): 409-426. [O social'nyh osnovaniyah nacional'nogo vybora].
14. Jagodić, Miloš. "Planovi o Politici Srbije prema Staroj Srbiji i Makedoniji (1878-1885)" [Plans on Serbian Policy Towards Old Serbia and Macedonia (1878-1885)]. Istorijски chasopis 60 (2011): 435-460. [O serbskih planah v Makedonii].
15. Jagodić, Miloš. "Nufusko питање: problem zvanichnog priznavaња srpske nacije u Turskoj, 1894-1910" [Nüfus Question: Problem of official recognition of the Serbian nation in Turkey, 1894-1910]. Istorijски chasopis 57 (2008): 343-354. [O probleme priznaniya serbskoj millet].
16. Jagodić, Miloš. "Izveshtaj Branislava Nushiha o putovaњу iz Prishtine u Skadar 1894. godine" // Meshovita graђa. Vol. 31, 2010. S. 281-284
17. Stojanović Milan. Istorija srpsko-ruskih politichkih odnosa od XVIII veka do danas. Novi Sad: Arhiv Vojvodine, 2022. [Monografiya o serbsko-rossijskih otnosheniyah s akcentom na osvobozhdenie serbskogo naroda v Vardarskoj Makedonii ot osmansko-tureckogo vladychestva.]
18. Terzić, Slavenko. "Konzulat Краљевине Srbije u Bitolu (1889-1897)" [Consulate of Kingdom of Serbia in Bitola (1889-1897)]. Istorijски chasopis 57 (2008): 327-342. [O serbskom konsul'stve v Bitole].
19. Anderson, Benedict. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Revised ed. London: Verso, 2006. [Teoriya «voobrazhaemyh soobshchestv»].
20. Deringil, Selim. The Well-Protected Domains: Ideology and the Legitimation of Power in the Ottoman Empire 1876-1909. London: I.B. Tauris, 1999. [O legitimacii vlasti i ideologii pri Abdul-Hamide II].
21. Vučetić B. "Pisma iz Carigrada Mihailo G. Ristiћ -- Svetislavu Simiћu (1894)" // Meshovita graђa. Vol. 33, 2012. S. 341-342, 346

Рецензент: Самарцева Е.И. – доктор ист. наук, проф., ученый секретарь ФГБУК «Тульский государственный музей оружия, профессор кафедры «История государства и права» ТулГУ